

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-93-99
УДК 327.56(045)

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Родачин Владимир Михайлович, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия
Rodvm@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена военным конфликтам XXI в. и существующим в зарубежной и отечественной научной литературе подходам к их осмыслению. Предмет исследования – феномен и теория «гибридной войны», зародившиеся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и получившие широкое распространение в современных условиях. Родоначальниками термина, теоретического концепта и военно-доктринальных основ «гибридной войны» являются американские военные эксперты. В статье раскрываются этапы становления теории гибридной войны, сложившиеся военно-теоретические и политико-идеологические подходы к характеристике ее сущности. Подчеркивается необоснованный характер обвинений в адрес Российской Федерации по поводу «аннексии» Крыма, осуществления «гибридной агрессии» на юго-востоке Украины и в других регионах. Дается анализ действительных, а не вымышленных признаков «гибридной войны». Делается вывод о том, что «гибридные войны» являются новым инструментом агрессии неимперских западных держав, направленной на суверенные государства, выступающие против гегемонии США в условиях кризиса однополярного миропорядка. Обосновывается необходимость совершенствования системы обеспечения национальной безопасности России с учетом развязывания США и НАТО против нашей страны «гибридной войны» и возможной ее эскалации.

Ключевые слова: войны нового поколения; «постсовременная война»; «гибридная война»; гибридные угрозы; неконвенциональная война; «асимметричная» война; нелинейная война; «гибридная война» как инструмент комплексной («мультимодальной», «мультидоменной») агрессии против суверенных государств

HYBRID WAR AND THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Rodachin V. M., Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Russian New University (RosNOU)
Rodvm@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the military conflicts of the XXI century and the existing approaches to their understanding of the foreign and domestic scientific literature. The subject of research is the phenomenon and theory of “hybrid war”, which originated in the late 1990s – early 2000s, and are widely used in current conditions. The founders of the term, theoretical concept and military doctrinal foundations of “hybrid war” are American military experts. The article reveals the stages of formation of the theory of hybrid war, the existing military-theoretical and political-ideological approaches to the characterisation of its essence. The author emphasised the unfounded nature of the accusations against the Russian Federation about the “annexation of Crimea”, the implementation of “hybrid aggression” in the South-East of Ukraine and other regions. Further, the author presented the analysis of real, not fictional signs of “hybrid war”. The author concluded that hybrid wars are a new instrument of aggression of the neo-Imperial Western powers against sovereign States as opposed to the hegemony of the United States in the crisis of the unipolar world order. The necessity of improving the system of national security of Russia taking into account the USA and NATO unleashing against our country “hybrid war” and its possible escalation is substantiated.

Keywords: a new generation of warfare; “postmodern war”; hybrid warfare; hybrid threats; conventional war; asymmetric war; non-linear war; hybrid war as a tool for integrated (“multimodal”, “multi-domain”) aggression against sovereign States

Актуальное значение в современных условиях имеет философское осмысление такого нового и сравнительно малоизученного явления, как гибридная война. Известно, что гибрид (от лат. *hibrida, hybrida* — помесь) — продукт скрещивания генетически различающихся форм, первоначально использовался в ботанике и зоологии. В последующем это понятие получило широкое применение в самых разных сферах, включая военную.

Обращение к проблематике «гибридных войн» обусловлено, с одной стороны, кризисом теории и практики классических войн и многообразием современных форм вооруженных конфликтов. Обобщая современные тенденции в области ведения войн, Мартин Кревелд в книге «Трансформация войны» констатировал, что по мере того «как традиционные формы вооруженных конфликтов уходят в прошлое, появляются совершенно новые, которые готовы прийти им на смену» [1]. Для описания войн нового типа стали применяться различные понятия, отражая активно ведущийся научный поиск в этом ключе: «война нового поколения», «постсовременная война», «неконвенциональная война», «нелинейная война», «асимметричная война», «сетевая война», «кибервойна», «прокси-война», «гибридная война». Вместе с тем все большее внимание исследователей концентрируется на феномене «гибридной войны» (ГВ) как «наиболее распространенной формы конфликта двадцать первого века» [2], сочетающей «сложность и потенциальную связность различных угроз» [3]. Именно ГВ и гибридные угрозы «в существенной степени определяют многие современные тенденции в развитии мира и войны» (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-prevratilas-v-novyy-vid-mezhgosudarstvennogo-protivostoyaniya/>).

С другой стороны, сохраняется дискуссионный характер понимания ГВ в военно-теоретической и социально-философской мысли. Отсутствует единство взглядов на природу, генезис, сущность, структуру, специфику ГВ.

СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»

В настоящее время вопрос о том, что представляет собой ГВ и чем она отличается от других типов военных конфликтов, является неоднозначным. Понятие ГВ «остаётся не операционализированным» [4]. Вместе с тем в самом общем, схематич-

ном виде ее характеризуют как тип конфликта, возникший в смешении сил, способов, тактики обычной и иррегулярной войны (рис. 1).

Также с момента возникновения и по настоящее время происходит заметная трансформация представлений о субъектах ГВ. Изначально, в период конца 1990-х — начала 2000-х гг., они ассоциировались с *негосударственными иррегулярными силами*. «Чеченская борьба против России считалась гибридной», — пишет профессор международных отношений Карлтонского университета Элинор Слоан, — поскольку чеченцы наряду с преобладающей партизанской тактикой применяли современные военные коммуникационные технологии и крупные скоординированные военные операции. Точно так же во время израильской войны 2006 г. против Ливана «Хезболла» объединила террористическую деятельность и кибервойну с использованием высокотехнологичного военного потенциала, такого как противоспутниковое оружие, чтобы эффективно заблокировать израильские цели» [5]. Не случайно и в сущностном понимании ГВ характеризовалась американским аналитиком, полковником Уильямом Дж. Неметом как «современный вид партизанской войны», применяющей «новейшие технологии и методы мобилизации». И в этом плане «чеченское повстанческое движение» представлялось им в качестве «модели для гибридной войны» [6]. С позиций современного опыта очевидно, что подобный подход не исчерпывает все проявления и виды ГВ как конфликта XXI в. и более сложный набор используемых в ней инструментов силы. Вместе с тем ГВ *негосударственных незаконных вооруженных формирований* против суверенных государств и законных Вооруженных сил не исчерпали свой потенциал в современном мире.

После якобы вторжения России в Крым в 2014 г. гибридная война в концептуальном плане стала ассоциироваться и с *поведением государства* как одного из ее субъектов. «Гибридная война под руководством государства, — указывает профессор Элинор Слоан, — еще более сложна, поскольку она может также включать некоторые из „новых нерегулярных“ подходов, которые недоступны негосударственным субъектам. Кроме того, именно государственные субъекты будут иметь возможность включить методы политической войны в свой подход к гибридной войне» [5]. При этом осуществляя действия в «се-

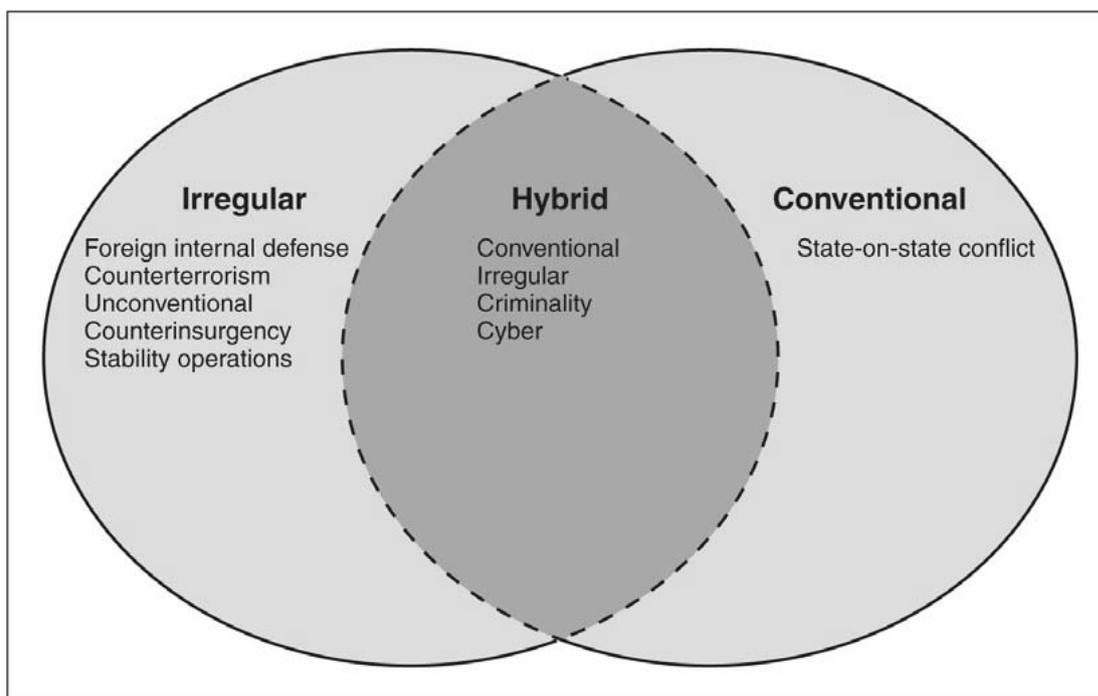

Рис. 1 / Fig. 1. Соотношение иррегулярной, обычной и «гибридной войны» / The relationship between irregular, conventional and “hybrid war”

Источник / Source: Hybrid Warfare. Briefing to the Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities, Committee on Armed Services, House of Representatives. 2010;(Sept.10):16.

рой зоне» между миром и войной так, чтобы не переступить порог развязывания обычной войны и «маскируя свое вмешательство» [7]. Особенности «серой зоны» позволяют «использовать различные способы военного и невоенного насилия постепенно, скрытно и косвенно. При скрытом воздействии применяются нерегулярные военные формирования, ведется война „чужими руками“, используются частные военные компании, что позволяет скрывать истинных инициаторов конфликта. Таким образом, „серая зона“ становится податливым пространством между войной и преступностью на пересечении нетрадиционных средств, незаконных методов и международных норм, порядка и анархии» [8]. Важно добавить, что ГВ не следует соотносить с действиями любого государства в конфликтах XXI в. ГВ — инструмент агрессии *неоимперских держав* и стран, стремящихся сохранить однополярный порядок в мире и гегемонию США, осуществить новый территориальный передел в интересах контроля мировых ресурсов, десоверенизации субъектов мировой политики, развала сопротивляющихся стран, а также *милитаристских государств*, нацеленных на расширение сферы геополитического влияния, силовое решение территориальных споров, ре-

ализацию экспансионистских территориальных притязаний.

Сущностной чертой ГВ является ее *асимметричный характер*, поскольку противоборство в ней ведется между государством и негосударственными субъектами, в военных силах которых имеется существенный дисбаланс (асимметрия) либо которые применяют кардинально различные стратегии и тактику. Эти асимметричные методы и действия характеризуют также и невоенную область противоборства, поскольку ГВ — «это вооруженный конфликт, осуществляемый сочетанием невоенных и военных средств с их синергетическим эффектом»¹. В целом следует отметить, что ГВ все же не тождественна понятию «асимметричная война» и имеет более сложный характер.

В стремлении раскрыть сложную природу ГВ Натан Фриер, научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (США), определяет ее как «противоборство, в котором хотя бы одна сторона использует два из четырех существующих методов войны (традиционная

¹ Hybrid warfare: A new phenomenon in Europe’s security environment. Praha; Ostrava: Published by Jagello 2000 for NATO Information Centre in Prague; 2015:8.

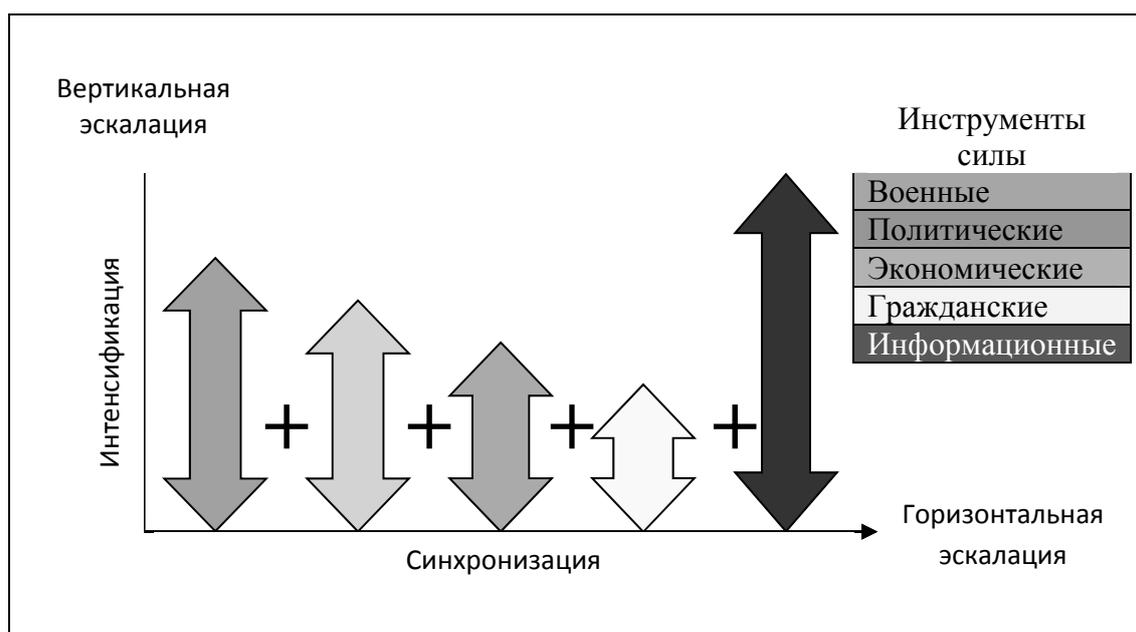

Рис. 2 / Fig. 2. Эскалация гибридной войны / The escalation of the hybrid war

Источник / Source: Guidance. Countering hybrid warfare project: understanding hybrid warfare. PDF, 2.25MB, Published 2017;(28 Sept.):36. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/647776/dar_mcdc_hybrid_warfare.pdf

война, иррегулярная война, терроризм, разрушительные технологии» [9]. В рамках данного подхода многие авторы представляют различные комбинации множественных способов и средств, применяемых в ГВ. Редактор Global Security Review Джозуа Стоувелл, например, пишет: «термин „гибридная война” описывает стратегию, использующую обычную военную силу в сочетании с действиями иррегулярных сил и с тактикой кибервойны» [10]. В «Руководстве по противодействию гибридной войне» отмечается, что ГВ, «ведущая государственными или негосударственными субъектами, как правило, рассчитана на то, чтобы оставаться ниже очевидных порогов обнаружения и реагирования. В ней синхронизировано применяются 5 основных компонентов, которые выходят далеко за рамки военной сферы.

Кроме того, в ГВ осуществляется «горизонтальная и вертикальная эскалация силового воздействия для достижения стратегического эффекта» (рис. 2).

Многомерный облик ГВ ее основоположник, подполковник морской пехоты США Ф. Хоффман описывает в терминах *мультимодальности* (многообразия и разнородности применяемых способов и средств ее ведения), «которые оперативно и тактически направлены и координируются в рамках основного боевого пространства

для достижения синергетических эффектов», *многовариантности* режимов ведения и *мультимодального* характера войны [11].

«ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ» КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анализ имеющегося опыта ведения определенными государствами и подконтрольными им негосударственными субъектами ГВ показывает, что они выступают угрозой государственному суверенитету, территориальной целостности и безопасности национальных государств, прежде всего тех, которые проводят независимый от США и их союзников политический курс, не приемлет их глобальную гегемонию, роль мирового жандарма с игнорированием международного права. «Методы ведения „гибридной войны” разработаны не нами. Спецслужбы Запада давно применяют их в первую очередь против России. Однако, пытаясь замаскировать свои действия, в этом бездоказательно обвиняют нашу страну. Вот только готовых поверить в эту ложь становится все меньше и меньше» (<http://foto-i-mir.ru/2019/04/24/выступление-первого-заместителя-министра/>).

Поэтому в своей *политической сущности государственные ГВ* являются инструментом комплексной («мультимодальной», «мультимодальной»)

доменной») агрессии против суверенных государств, направленной на дезорганизацию системы государственного и военного управления, экономики, социальных институтов, свержение легитимного правящего руководства методами экономических санкций, международной изоляции, лживой массивированной пропаганды, поддержки внутренней радикальной оппозиции и экстремистов всех мастей, разжигания «цветных революций», реализации террористических акций, государственных переворотов, гражданской войны, кибератак, с последующим проведением извне военно-силовой операции на грани войны и мира (в «серой зоне») с использованием высокоточных авиационных и ракетных ударов, сил специального назначения, вооруженных формирований негосударственных субъектов в целях установления власти марионеточного правительства и обеспечения геополитического контроля за территорией и ресурсами государства-жертвы.

Сущность негосударственных ГВ воплощается в экстремистской и террористической агрессии ультрарадикальных политических сил, их незаконных вооруженных формирований и несиловых компонентов, поддерживаемых извне заинтересованными неоимперскими и милитаристскими государствами против конституционного строя, легитимного правительства и государственного руководства суверенного государства-мишени в интересах незаконного установления реакционного режима, реализации заявленных идеологических целей и политических программ, подконтрольных «внешним управляющим».

Командование США и НАТО активно прорабатывают ведение ГВ в военно-стратегических документах и служебных наставлениях². В первом президентском меморандуме Д. Трампа по национальной безопасности NSPM-1 «Перестройка ВС США» (2017) заявлено, что необходимо продолжить трансформацию Вооруженных сил как основного гаранта продвижения американских интересов с позиции силы, и США должны готовиться к войнам нового поколения. В 2017 г. разработан документ, уточняющий перспективы строительства и развития Сил специальных операций на период до 2035 г. и на дальнейшую перспективу — концепция «ССО

Сухопутных войск-2035». В документе отмечается, что военные конфликты будущего по своей сути будут гибридными, сочетающими действия группировок ВС, иррегулярных формирований, а также деятельность в информационном и киберпространствах [12]. Пентагон приступил к разработке современной стратегии ведения военных действий на основе гибридных методов, которую уже окрестили «троянский конь». Суть ее заключается в активном использовании «протестного потенциала пятой колонны» в интересах дестабилизации обстановки с одновременным нанесением ударов ВТО по наиболее важным объектам³.

Именно таким характером отличались действия США и НАТО в комбинации с использованием экстремистов, бандформирований, террористов в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Ливане, Йемене, Сирии, Грузии, Украине.

В современных условиях главным объектом ГВ является Российская Федерация. При этом, к сожалению, в российских военно-политических документах стратегического планирования ГВ как угроза военной, национальной, государственной, информационной, пограничной или иной безопасности не фиксируется. Только в Военной доктрине Союзного государства, утвержденной Советом министров Республики Беларусь 13 декабря 2018 г. и Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 19 декабря 2018 г., впервые указывается на усиление угрозы ГВ и цветных революций [13].

Стратегией ГВ предусматривается предварительная подготовка «инфраструктуры» для ее ведения на театре действий «гибридной войны» (ТДГВ), охватывающем территорию государства — объекта ГВ («государства-мишени» или «жертвы гибридной агрессии») и прилегающие к его границам части территории континента (с прибрежными водами океана, морями и воздушным пространством), в пределах которых могут быть развернуты или ведутся операции «гибридной войны». Таким образом, в границы ТДГВ входит территория государства-жертвы с прилегающими приграничными зонами. Эти зоны включают территории союзников и партнеров, которые используются государством-агрессором на различных этапах ГВ [8]. В настоящее время ведется активная деятельность по созда-

² The Army Operating Concept (AOC): Win in a Complex World (2020–2040). 31.10.2014. TRADOC Pamphlet 525–3–1.

³ Генштаб России объяснил суть американского «Троянского коня». РИА Новости. 02.03.2019.

нию «серых зон» инфраструктуры ГВ у границ Российской Федерации «на протяжении всей „дуги нестабильности“ от западного побережья Африки до Центральной Азии», где размещаются военные базы, разведывательные центры, тренинговые структуры, логистические объекты. «В перспективе следует ожидать формирование ТДГВ в Арктике и на дальневосточных рубежах с участием США и Японии» (https://slovakia.mid.ru/vnesnepolitieskie-diskussii-i-analitika?p_auth=ZEWIf19O&p_p_id=3&p_p_lifecycle=1&p_p_state=normal&p_p_state_rcv=1).

Политиками, руководством США и НАТО открыто высказываются намерения спровоцировать территориальный распад Российской Федерации, отторгнуть ее отдельные, прежде всего приграничные регионы, поощряя и используя внутренний протестный потенциал, сепаратистские силы и настроения. Американские аналитики из ЦРУ и других ведомств прямо делают ставку на развал России изнутри после 2020 г. Произойдет это, по их мнению, из-за внутренних социальных и межэтнических конфликтов, инициируемых извне с использованием проблем социального и регионального неравенства, а также снижения уровня жизни населения нашей страны (<http://www.dal.by/news/1/27-10-14-8>). Напомним, что предыдущие прогнозы о распаде России в 2015 г. не оправдались. Однако настойчивое внушение мировой общественности мысли о недолговечности России — неотъемлемая часть «гибридной войны» против нашей страны.

Бывший посол США в РФ Майкл Макфол по случаю двухлетия возвращения Крыма в состав России напомнил, что Кенигсберг был немецким городом на протяжении многих веков, после чего задался вопросом: возможно, Германия имеет право на то, чтобы аннексировать российский Калининград по крымскому варианту⁴? При

⁴ Бывший посол США в России поспорил о принадлежности Калининграда. РИА Новости. 20.03.2016.

этом в ходе учений «Анаконда-2018» войска НАТО отрабатывали захват Калининграда. Западные стратеги «гибридной войны» делают ставку на деструктивные процессы, чреватые социально-политическими кризисами, внутренними конфликтами, угрозой сепаратизма в других приграничных субъектах Российской Федерации. Существует экспертное мнение, что раскол РФ может пройти по границам восточнославянской, исламской (Северный Кавказ и Поволжье) и буддистской (Калмыкия, Тува, Бурятия) культур. По другим прогнозам, распад России произойдет с отделения Сибири и Дальнего Востока, выделения территорий, тяготеющих к Балтике, и автономизацией Юга России и Поволжья (<https://politua.org/novosti/34831-separatizm-rossijskih-regionov-stan>).

Таким образом, *государственная «гибридная война»* — современный инструмент геополитической агрессии, прежде всего США и НАТО, используемый в целях сохранения гегемонии коллективного Запада в однополярном мире и нового территориального передела. *Негосударственная «гибридная война»* — инструмент экстремистской и террористической агрессии ультрарадикальных политических сил, их незаконных вооруженных формирований и несиловых компонентов, поддерживаемых извне заинтересованными неоимперскими и милитаристскими государствами.

Современная гибридная война является угрозой национальной и пограничной безопасности России, нацеленной на подрыв государственного суверенитета и территориальной целостности страны, суверенизацию отдельных приграничных регионов, насильственную смену законной власти на подконтрольное Западу марионеточное правительство, призванное обеспечить ему, и прежде всего США, геополитический контроль за территорией Российской Федерации, пространствами и ресурсами Евразии в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кревельд М. Трансформация войны. Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Бук; 2005.
2. Kilcullen D. The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. Oxford University Press; 2009.
3. Арзуманян Р. В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий. Михайловский А. Б., ред. М.: АНО ЦСОиП; 2015.

4. Чижевский Я. А. Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война». *Политическая наука*. 2016;(2):269–283.
5. Слоан Э. Гегемония, власть и гибридная война. URL: <https://doc-research.org/2018/11/hegemony-power-hybrid-war>.
6. Nemeth W. J. Future War and Chechnya: A Case for Hybrid Warfare, Thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, California, June 2002.
7. Bachmann S. D., Gunneriusson H. Russia's hybrid war in the East: the integral nature of the information sphere. *Georgetown Journal of International Affairs*. 2015; Fall.
8. Бартош А. А. Как США и НАТО переводят гибридную войну на научную основу. Зачем у границ России формируется опасная «серая зона». *Независимое военное обозрение*. 24.08.2018.
9. Frier N. Hybrid Threats and Challenges: Describe... Don't Define. URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/343-freier.pdf>.
10. Joshua Stowell What is Hybrid Warfare? *Global Security Review*. 2018;(Aug.1).
11. Hoffman F. Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars; 2007. p. 28.
12. Judson J. US Army Special Ops commander lifts curtain on 2035 strategy. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/sofic/2017/05/17/us-army-special-ops-commander-lifts-curtain-on-2035-strategy>.
13. Тиханский А. Новая военная доктрина союзного государства Беларуси и России: «гибридные войны» и «цветные революции». URL: <http://eurasia.expert/novaya-voennaya-doktrina-soyuznogo-gosudarstva-belarusi-i-rossii-gibridnye-voyny-i-tsvetnye-revoljuts>.

REFERENCES

1. van Creveld M. The Transformation of War: The Most Radical Reinterpretation of Armed Conflict Since Clausewitz. Transl. from Eng. Moscow: Alpina Business Book; 2005. (In Russ.).
2. Kilcullen D. The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. Oxford: Oxford University Press; 2009.
3. Arzumanyan R. V. Strategy of irregular war: Theory and practice of application. In: Theoretical and strategic problems of conceptualization, religious and military-political relations in the operating environment of irregular military operations. Mikhailovsky A. B., ed. Moscow: ANO TSSiP; 2015. (In Russ.).
4. Chizhevsky Ya. A. The development of military-political discourse: Introducing neologisms “asymmetric conflict” and “hybrid war”. *Politicheskaya nauka*. 2016;(2):269–283. (In Russ.).
5. Sloan E. Hegemony, power, and hybrid war. 2018;(Nov.22). URL: <https://doc-research.org/2018/11/hegemony-power-hybrid-war/>.
6. Nemeth W. J. Future War and Chechnya: A Case for Hybrid Warfare. Thesis. Naval Postgraduate School, Monterey, California. June 2002. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/36699567.pdf>.
7. Bachmann S. D., Gunneriusson H. Russia's hybrid war in the East: The integral nature of the information sphere. *Georgetown Journal of International Affairs*. 2015; Fall. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2670527.
8. Bartosh A. A. As the USA and NATO translate hybrid war on a scientific basis. Why a dangerous “gray zone” is formed near the borders of Russia». *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 24.08.2018. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2018-08-24/4_1010_science.html. (In Russ.).
9. Freier N. Hybrid Threats and Challenges: Describe... Don't Define. URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/343-freier.pdf>.
10. Stowell Joshua. What is Hybrid Warfare? *Global Security Review*. 2018;(Aug.1). URL: <https://globalsecurityreview.com/hybrid-and-non-linear-warfare-systematically-erases-the-divide-between-war-peace/>.
11. Hoffman F. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars; 2007. p. 28.
12. Judson J. US Army Special Ops commander lifts curtain on 2035 strategy. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/sofic/2017/05/17/us-army-special-ops-commander-lifts-curtain-on-2035-strategy/>.
13. Tihansky A. A new military doctrine of the Union State of Belarus and Russia: the “hybrid war” and “color revolutions”. URL: <http://eurasia.expert/novaya-voennaya-doktrina-soyuznogo-gosudarstva-belarusi-i-rossii-gibridnye-voyny-i-tsvetnye-revoljuts/>. (In Russ.).